

18+

Талина Долбенко

Дело было
в Никольском

Рассказы

Галина Долбенко

**Дело было в
Никольском. Рассказы**

«Издательские решения»

Долбенко Г.

Дело было в Никольском. Рассказы / Г. Долбенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939243-5

Глобальные проблемы, человек и судьбы переплетаются в серии рассказов, посвященных деревенскому укладу жизни, влиянию глобальных проблем на различные стороны жизни человека и на решение вопроса о будущем цивилизации. Российская деревня, какой была раньше — вымирает.

ISBN 978-5-44-939243-5

© Долбенко Г.
© Издательские решения

Содержание

ФЕНЬКА	6
Галины воспоминания	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дело было в Никольском Рассказы

Галина Долбенко

© Галина Долбенко, 2024

ISBN 978-5-4493-9243-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФЕНЬКА

Это моя бабушка, мать моего отца. Она меня не любила, но я к ней все равно хорошо относилась. В тысяча девятьсот первом году, тридцать первого мая она родилась. Родилась в мае и маялась до девяносто лет. Родители по национальности были чувашаи. Что с ними произошло, она не знала: ее маленькую воспитывала бабушка, мать отца. И звали мою бабушку Шимарина Федосья Михайловна.

Когда Феньке было десять лет, умерла и бабушка. И стала девочка круглой сиротой. Ее взяли богатые помещики. Спала она зимой в чулане на сундуке, где лежали старые ненужные вещи хозяев, а потом раздавались работникам как вознаграждение.

В чулане было тепло: тонкая перегородка разделяла большую кухню и чулан, и потому за стенкой она не мерзла. Там всегда ахло свежей кашей и пирогами. Чулан был похож на собачью конуру без окна и, если закроешь дверь, то приходилось идти в темноте. Хорошо, что пространства было мало и не ошибешься – сундук стоял около двери. Летом было там душно совсем: воздуха ведь не хватало, и Феньке отвели место в сарае, где жили гуси, которых летом она же и пасла. Гуси спали внизу, а Фенька наверху, на настиле, где зимой хранилось сено или солома. Грязные, спутанные черные волосы свисали на плечи. Черные широкие брови были часто нахмурены, а маленькие зеленые глазки редко смеялись.

Фенька любила попрошайничать и глаза ее делались такие печальные, что, глядя в них, людям добрым хотелось плакать и подать ей яичко или пирожок. Но если ее обижали и не давали куска хлеба, зеленые глаза становились еще зеленее, сощуривались, зло кипело в ней, и она шепотом слала проклятья. Гусей она гоняла за деревню, где было расположено широкое рытое озеро. Птицы плавали, а Феня сидела и, шмыгая носом, плела себе венки из полевых цветов. Готовое изделие она одевала на голову, но венок не украшал ее грязное некрасивое лицо. Сальное, полинялое платье было внизу порвано и свешивалось клиньями, которые при ходьбе хлопали по пяткам. Босые ступни были в длину маленькие, но расплюсченные в ширину, и, когда девочка шлепала по лужицам, черные ноги ее от грязи казались бесовскими копытами.

Поплавав, гуси бродили по лугу, щипая зеленые листочки, а пастушка ложилась на траву и смотрела в небо, считая плывущие облака. Считала она до двадцати: бабушка научила ее считать и вязать носки и варежки. Потом в обратном порядке. Иногда дремала, не досчитав до конца. Каждый день к одиннадцати часам к озеру другой пастух, лет сорока, подгонял стадо, в котором вместе паслись коровы, телята, овцы и козы. Большое стадо молча шло на водопой. Феня, завидев его, вставала и, отряхивая подол платья от травинок, здоровалась, скромно и почтительно склонив голову: «Здравствуй, дядя Федя». Тот вытаскивал небольшой кусочек хлеба из кармана длинной рубахи и протягивал ей. Та тихо, несмело брала и начинала есть – глаза в это время радостно светились зеленым светом благодарности. Напоив стадо, дядя Федя гнал стадо в деревню, где хозяйки доили своих коз и коров. В два часа пастух снова собирал стадо и гнал на пастбище. Фенька же до девяти часов вечера пасла гусей.

Жена помещика узнала, что пастушка умеет вязать и теперь у Фени времен и свободного не было. Девочка пасла гусей и вязала носки из овечьей шерсти разных размеров – хозяева были очень довольны. Теперь ей выдавали больше еды, но Феня все равно целыми днями была голодной. Она злилась на всех и плакала. Ей казалось, что все кругом сытые, одна она обездоленная сирота, которую никто не жалеет. Вечером, загнав стадо, она уходила в гости к кому-нибудь: она уже знала всех в деревне, – и чаще ходила к тем, кто ее подкармливал. К дяде Феде не ходила: он был вдовцом, и у него у самого были полуголодные две дочери, по возрасту моложе Фени. Сестер звали Пашурка и Варянька. Они не любили Феньку и не пускали к себе. Говорили: «Уходи отсюда, грязная чувашка.» Старшая Паша была моложе Фени на четыре года. И она больше сестры досаждала Фене, доводя ее до слез обидными высказываниями.

День с утра был сырым и пасмурным, шел мелкий дождь – в августе такое часто бывает – и кажется, что уже наступила осень. Феня мокрая, вся озябшая, стояла возле озера, а гуси, как ни в чем не бывало, плавали у берега, ныряли за мальками, доставали пищу. Вдали показалось стадо. Дождь уже перестал моросить и на небе просветлело. Феня заплакала. Стадо медленно приближалось. Вот и дядя Федя появился. Он повесил кнут на плечо и зашагал к пастушке – та заплакала еще громче. Дядя Федя, здоровенный мужик, оторопел: она при нем никогда не плакала. Его рука по привычке полезла в карман. Он, глядя на заплаканную Феню, спросил что случилось. Вместо слов она бросилась ему на шею и стала целовать, приговаривая: «Миленький дядя Федя, ты добрый, хороший, возьми меня жить к себе, я ведь сирота. Хозяева завтра уезжают жить за границу: дом и все хозяйство продали, а новые меня выгоняют. Последний день пасу гусей. Мне куда идти? Только в петлю.»

Он ласково погладил ее по нечесанным волосам:

– Не плачь, Феня. Вечером с вещами приходи к нам.

Она захныкала еще сильнее, содрогая плечами:

– Меня твои дети не пускают.

– Сегодня пустят: я поговорю с ними.

Феня быстро перестала плакать, а дядя Федя вытащил из кармана промокший хлеб и протянул его девочке. Она не любила никому говорить спасибо за угощение, словно считала, что все обязаны ее кормить, так как она сирота. Дядя Федя нахмурил свои белесые брови и, покусывая губы, молчал, наблюдая за изголодавшейся Феней.

Хлеб был съеден, даже проглочен. Феня последнюю крошку с ладони отправила в рот и заискивающе поглядела на кормильца – тому жалко стало девочку и он снова погладил ее по мокрым волосам, то и дело приговаривая: «Приходи сегодня жить к нам. Места всем хватит: будешь по дому с дочками работать, хозяйничать. Проживем как-нибудь вместе с Божьей помощью, не пропадем.»

Стадо в это время разбрелось и он побежал в кучу собирать телят и коз. Когда все были собраны в плотное кольцо, он погнал их в деревню. Феня молча провожала взглядом, думая: «Вот, наконец, заживу как люди.» Гуси, теперь уже принадлежавшие другим хозяевам, не обра-

щали на девушку внимания. Нырjali, чистили перья, гоготали, будто посмеиваясь над ней. А она, нисколько не сожалея о них, уже видела себя в новой жизни, уютной и спокойной.

Дядя Федя пришел домой. Дочки окружили его в ожидании гостинца: то землянички им наберет в лесу, то малинки. Паше было всего одиннадцать лет, а Варя девять, но, покуда росли без матери, сами топили печь и готовили еду. Отец протянул им несколько белых грибов с огромной шляпкой. Перебирать не надо: и так в супу с пшеном сойдет. Они схватили и с визгом кинулись к горшку, чтобы уже нарезать или наломать в него грибы.

Федор вытащил из печи щи и налил в блюдо. Сел за стол. Девочки тоже себе налили и сели рядом. Отец отрезал всем хлеба и, глядя на остаток буханки, спросил:

– Соседка, баба Дуня, не приходила? А то вон хлеб кончается. Испечь бы надо. И когда вы научитесь сами у меня все подряд стряпать?

Дочки молчали, жуя капустные листья, а отец продолжал начатый разговор, отламывая начавший черстветь хлеб:

– Сегодня к нам придет жить Феня: ей негде жить теперь, бедняжке. А не заметишь, как придет зима, глазом моргнуть не успеешь. Жалко девчонку: замерзнет или умрет с голоду.

Девочки в один голос закричали:

– Не надо нам сюда грязную чувашку, не надо!

Отец встал и сердито стукнул по столу:

– Какие вы у меня безсердечные! Вот у вас нет мамы, зато есть я, а у нее ни отца, ни матери.

Дочки молчали. Думали, может отец прав: пусть поживет пока, будет у нас за хлеб работать – все нам будет легче с хозяйством справиться. Паша первая подала свой голос:

– Пусть живет пока, а потом видно будет. Придет снова лето и съедет от нас. Найдет новых хозяев.

Она встала и пошла вытаскивать жареную румяную картошку, которая ароматным дымком красовалась на сковороде. Девочка поставила жаровню перед отцом. Он отодвинул на середину стола и сказал: «Ешьте дети тоже.»

Варя встала и сходила в огород, и через некоторое время вернулась, выложив из фартука на стол свежие огурцы.

– А молоко у нас имеется? – спросил отец.

В ответ Паша принесла из чулана крынку молока. После трапезы отец прилег отдохнуть на полати, закрыл глаза, но ни о чем не думал.

Когда настал вечер, девочки сели на крыльцо в ожидании Фени. Вдали показалась невысокая шупленькая фигурка девочки-подростка. Она медленно шла с узелком и, увидев на крыльце девчонок, вечно ее дразнящих, резко остановилась. Варя позвала ее, взмахнув рукой:

– Иди сюда, мы тебя ждем. Папа велел тебя встретить.

Феня гордо подняла голову и уверенно пошла за Пашуркой. Сели за стол ужинать, а потом постелили ей спать на полу вместе с собой. Дочери пастуха все время косились, но отцу не перечили. Феня осталась довольная. Успокоилась и за долгое время впервые, сладно зевнув, погрузилась в глубокий усокаивающий сон.

Она работала по дому. Втроем возились в огороде, сажали, оливоли, пололи, снимали урожай, ухаживали за скотиной и птицей. Еду по-прежнему готовила Паша. Со временем все так привыкли к сожительству, что забыли гнать Феню в поисках новых хозяев.

Так не заметно пролетели два года. А тут и власть после семнадцатого года поменялась. Феня тоже превратилась в симпатичную семнадцатилетнюю девушку. Хотя ей было не сравниться с Пашей и Варей. Те были красивые, рано развитые, в свои 13 и 11 у них уже были женихи, такие же недоросли, рано повзрослевшие от пахотной работы.

Федор как-то привел в дом женщину и стали они жить все вместе. Феня уже не чувствовала себя свободно и стала уговаривать Пашу и Варю выгнать мачеху:

– Зачем она нам? Мы ведь раньше хозяйничали и теперь будем.

Получилось все-таки. Сговорились и выжили, прогнали женщину, а отец молчал, не мог перечить детям.

У Фени женихов не было: бедная сирота без приданного кому нужна? Да и парни думали, что она с Федором живет. А ей так хотелось замуж, пусть даже и за Федора, ведь говорят: старый конь борозды не портит, но и глубоко не вспашет. «А мне глубоко и не надо,» – думала про себя Феня и как бы нечаянно всегда задевала своей большой грудью проходившего мимо Федора. Ну и заполучила его однажды. Он предложил ей выйти за него замуж – она согласилась. Ей не было еще восемнадцать, так что год они жили без росписи. Как могли, так и предохраняясь, а его дочери снова злились и ревновали, удивляясь, почему их отец так любит и жалеет эту грязную чувашку.

Он пас стадо, а она приносила ему еду прямо в поле или к озеру. Стадо было большое, колхозное, и частники тоже гоняли свою скотину в общее стадо, поэтому при пастухе были приняты еще два подпаса. Они-то и стали женихами Вари и Паши, и звали все их Два Степана. Так позже они и поженились.

Когда Фени исполнилось восемнадцать, они с Федором расписались в сельсовете и фамилия ее стала Нефедова. Через три года у них родился сын Андрей. А еще через три года Федор заболел и умер. Феня не очень горевала: чем-то в жизни она привыкла к несправедливости и непостоянству – знать судьба такая.

В соседях жила Маруся Жирова, тоже вдова и почти ее ровесница, с пятилетним сыном, и уговорила Феню уехать в село Антоновка, что находилась далеко отсюда и там ее никто не побеспокоит, потому что падчерицы прогоняли ее из родительского дома, который стал уже невозможно тесен для них шестерых. А без нее и мальчишки останутся только сестры и Два Степана.

Феня с Андреем и Маруся со своим сыном приехали в Антоновку и устроились работать на свиначник, ухаживать и выращивать свиней. Пока жила здесь, Феня успела пожить с тремя мужчинами, но все неудачно. Только родит мальчика, как мужик ее сразу умирал, а следом за ним и ребенок. В селе стали бояться ее и мужики обходили ее стороной, чтоб не стать проклятыми. Ей все равно хотелось найти хорошего мужа и она с сыном, которому исполнилось к тому времени десять лет, переехала жить в другое поселение, что находилось в пяти километрах от Антоновки. Там, в поселке Гулюши, она тоже пошла работать на свиначник. Ее взяла жить к себе Семенова Паша, еще одна вдова с тремя дочерьми. Феня не жаловалась, что всю домашнюю работу за Пашу делала одна – это была плата за жилье, хотя дом и принадлежал совхозу. Чтобы забыть от невзгод и одиночества, Феня полюбила попивать вино с хлебом: она его не ела, а выпьет сколько ей нальют и вместо закуски понюхает кусочек хлеба и ждет, когда еще нальют. Затем и к самогонке привыкла. Почему любила горечь водки, я не знаю. Наверно, алкогольная горечь заглушала душевную. А потом уж с пьяницами мужиками пила даже одеколон и другие горючие напитки, вплоть до технического спирта, добавляя воды, и уединялась с ними от людского глаза. Сын, повзрослев, ее за такие поступки бил и в горячке кричал: «Хоть бы ты умерла, сука, и не позорила меня!» А она только взглянет жалостливо, просипит плачевное «Андрюшенька!» и дальше за свое.

Когда Андрею исполнилось пятнадцать, его послали учиться на тракториста. Когда парню стукнуло девятнадцать, он женился на красивой девушке, тоже сироте, а его мать перестала работать. Родились у Фени внуки: она нянчила их и полола в огороде летом сорную траву. В случае негодования под рукой всегда кто-то был: то кот, то собака, а если попадалась сноха, она была ее чем попало, та же боялась мужа и терпела. Андрей тоже бил жену. Хотела она его бросить и уехать от них еще с первым ребенком, со мной, но муж ей пригрозил: «я убью тебя,

если ты уйдешь, этим ты опозоришь меня и тогда я тебя везде найду.» Так и мучилась Александра, старела под двумя огням, пока в тридцать шесть лет Андрей не умер от кровоизлияния в мозг. Пил много спирту, ел жирное мясо да сметану и мало двигался: всю работу по дому выполняла жена. Когда сын умирал, Феня подошла к нему и со слезами сказала:

– Я прощаю тебя, не плачь. Ты хотел всегда моей смерти, а сам вперед меня умираешь. Кому вот я теперь нужна? Кто обо мне позаботиться?

Сноха же не бросила свекровь – добрая душа, – подумала: все-таки бабушка моим детям, и так жили вместе.

Так и прожила беззаботно Федосья Михайловна до глубокой старости. Привычки свои не могла оставить: воровала пирожки, пряники, куски мяса и прятала все под свою подушку. Съесть не успевала и запах протухшего мяса и плесени заставлял сноху вспоминать о том, что требуется почаще проверять постель свекрови и выкидывать прочь испорченные продукты. Бабушка Феня плакала очень громко и долго, не желая раставаться с припасами, приговаривая:

– Оставь, Шара, я их еще съем, не выбрасывай.

За свою жизнь только один раз была в больнице, когда пьяная упала и сломала руку. Ей наложили гипсовую повязку, а, приехав домой, она ее сняла и грозно сказала повязке: «Ну ее к черту, без нее обойдусь!» К синей больной руке привязывала влажную от мочи тряпку и кость вскоре срослась.

После шестидесяти лет у нее стали шататься зубы и, не дожидаясь, когда они выпадут, она привязывала к ним нитку и выдергивала их сама. Все обходилось без врачей. Правда еще раз ей однажды пришлось вызывать скорую помощь, когда, пьяная, она, упав на что-то острое, сделала себе на шее глубокую рану, кровь как из поросенка хлестала. Она много потеряла тогда крови, но не потеряла сознание – ей было в это время уже семьдесят лет. Зашили ее, а на следующее утро она уже снова напилась.

Когда перед смертью Феня лежала в постели, подозвала меня и попросила не лекарства, а яду, чтоб побыстрее отравиться и не мучиться долго, но ей даже лекарства уже не давали: ей ничего не помогало. Цирроз. Разрушилась печень, потому что никого не слушала и украдкой пила, да по многу.

Схоронили ее, но крест не поставили: чувашки ведь мусульмане. Хоть она никому не молилась и в мечети и церкви не ходила, ее признали мусульманкой, а может просто лень стало крест ставить.

Я ее внучка, но, вспоминая прошлое, хорошим словом не могу ее вспомнить: она всегда обижала меня и грубо стучала своей рукой мне по спине, а рука была словно железная. Потом и детей моих, своих правнуков, тоже до слез колотила. Может, злости у нее было много и ненависти ко всем людям из-за ее тяжелой сиротской доли.

Мамины рассказы

Мамина прабабушка Наталья была помещицей и жила в Дергачах, в пятнадцати верстах от городка Пугачева, Саратовской губернии, Ершовского района.

У Натальи Пугачевой муж умер в сорок лет: его конь лягнул, норовистый был, дикий. Осталась женщина с двумя сыновьями, Петром и Федором, и дочерью Полиной. Поместье большое и управлять им пришлось Наталье самой.

Много было коров, лошадей, кур, уток, гусей и работников, которым хорошо платила и многие сами желали у нее работать. Пришел как-то в работники бедный парень. Высокий, красивый, сероглазый, черный выющийся чуб свешивался на чистый лоб и очень опрятно одетый. Он горделиво вышагивал, словно сам хозяйствовал поместьем. Работу свою выполнял добросовестно, скотником взяла его Наталья Ивановна. Звали его Петр, по фамилии Щоголь. И полюбилась ему Полина, хозяйская дочь, да и та часто вздыхала по красивому лицу бравого избранника. Как увидит его, навстречу идущего, опустит стыдливо глаза, а щеки пунцовыми делаются. Сердце застучит, как по наковальне молот, она словно вспорхнет бабочкой и побегит в дом.

Петр заметил, что Полина к нему равнодушна и подловил ее вечерком. Признался ей в любви и предложил руку и сердце. Девушка согласилась. На другой день Петр тихо так подошел к Наталье Ивановне и попросил разрешение жениться на ее дочери.

Молодой человек нравился хозяйке, как работник и как будущий зять, который не разорит хозяйство, и она дала согласие. Но только в поместье они жить отказались.

Сыграли свадьбу, обвенчали и Наталья Ивановна подарила им лошадь, корову и птиц, и они уехали в Ершов, чтобы попробовать самим зажить своей семьей. Там у Петра уже был саманный небольшой домик, родители умерли и жил он один. Стали жить молодые в любви и согласии.

Полина, кареглазая брюнетка, стройная, красивая, родила сына Ивана, через год с половиной – Михаила, а через два года родилась девочка Мария, похожая на Петра. Прошло еще пять лет и Полина вновь ждала ребенка.

Все было бы хорошо, но в соседях у них проживала пожилая женщина с дочерью Ганной. Ганна ее выросла и черная, толстая ее коса тоже росла и вытянулась аж до пят, сама же девушка была невысокого роста. Черные глаза всегда завистливо следили за соседями и приплюснутый нос вынюхивал счастье супругов, а толстые губы шептали проклятия, приоткрывая безшумно большой рот. Мать ее славилась качественной повитухой, иные же боялись и считали их обеих ведьмами.

Вот пришло время Полине рожать. Холодный осенний ветер поднимал и кружил сухую траву и, завывая, неся в голое поле. Воды отошли и Полина попросила Марию сбежать за соседкой, та пришла и постелила на холодном глиняном полу тряпицу и приказала роженице лечь. Повитуха открыла дверь и ледяной ветер пронизал разгоряченное вспотевшее от потуг обнаженное тело насквозь. Полина дрожала от холода и стонала от боли. Долго она мучилась и наконец родила девочку. Повитуха ушла. Петр помог жене встать и положил на кровать. Но жене становилось все хуже и на другой день Полина умерла, а девочка на третий.

Марию бабушка увезла жить к себе, а сыновья остались с отцом. Не долго горевал вдовец, появилась новая жена Ганна, которая тут же примчалась его утешать. Соседи, глядя на них, поговаривали:

– Видно, эта ведьма привязала его к себе своей длинной косой, а Полину уморили.

На том и кончились пересуды.

Мария жила у Натальи Ивановны – та внучку любила и учила читать, писать, вести правильно хозяйство, готовила себе замену. Сыновья разъехались, обзавелись уже своими семьями и появились у них дети, но жены сидели дома с детьми и к бабушке внучат не пускали. К Наталье Ивановне тоже ходили люди лечиться: к пожилому возрасту в ней дар открылся, она сама ездила у дочери роды принимать всех троих внучат, а вот последнего ребенка не смогла: преждевременно роды начались и поэтому пришлось пригласить повитуху, мать Ганны. Наталья Ивановна их не винила и на бога не роптала – что уж суждено. Заговаривала грыжу, экземы, снимала порчу и сглаз. Мария просила бабушку:

– Научи меня своему делу, я тоже хочу людям помогать.

Но бабушка категорично отрицала:

– Не научу тебя, доченька, трудная эта работа. Мучить тебя будут, день и ночь в работе. У тебя и так много заботы будет, хозяйство у меня большое, землю вспахать вовремя, засеять, урожай собрать, продать лишнее, скот, молоко и яйца лишнее тоже, рабочих не обидеть. Не буду учить тебя, что сама знаю, тебе только добра желаю. Учю уже жену конюха, у нее четверо детей и она слезно просила. Они живут в пристройке моего дома и она всегда тебе поможет, если надо.

Но не пришлось Марии хозяйничать. Захирела Наталья Ивановна вскоре, старая стала и сердце пошаливать начало. Почувствовала она, что долго не проживет на белом свете и говорит внучке:

– Марусенька, доченька, деньги возьмешь – для тебя припрятала. Только чтоб дяди твои не увидели, не то убьют из-за денег, – и показала тайник: – Под отдушиной, где золу выгребают. Надо вынуть камень и это место закрыть ящиком для золы.

Марии было одиннадцать лет, когда бабушка покинула ее. Похоронили. Дяди все стены проверили, все углы, все везде расковыряли и печке тоже досталось, но тайник не нашли. И вот однажды приехал на лошади Петр за своей дочерью, а дядьки отлучились. Мария вынула из тайника деньги, взяла узел – бабушка ей припасла, и отрезы на платье, и свои красивые вещицы, и быстро выбежала во двор. Камень вновь вставила, но ящик не плотно подвинула. Села на лошадь и отцу шепотом сказала:

– Гони, батя, побыстрее лошадей, не то дядья догонят и убьют.

А дядьки заходят в дом – племянницы нет и зола рассыпана. Пнул один из них ногой ящик и увидели, что камень вытаскивали. Догадались, сели верхом на коней и погнались вдо-

гонку. Ветер свистел в ушах. Потная лошадь Щоголя уже приближалась к Ершову, как услышали крик и конский топот догоняющих. Стали попадаться на пути возы на лошадях и дядьки лишь прокричали беглянке:

– Ну, Маруська, гадина, обхитрила ты нас! Если бы догнали тебя, то убили б гадину!

Мария от страха дрожала всю дорогу, как осиноый лист на ветру. Когда подъехали к дому, у нее стучали зубы и дрожь всего тела долго не унималась. В то время и триста рублей были целым состоянием, а она все 900 прихватила. За это и отец ласковый был с ней, и мачеха Ганна.

Купили коров, еще одну лошадь, овец. А тут вскоре и советская власть пришла, помещиков раскулачивать стали. Лишнюю скотину у людей забирать в колхоз стали. Хитрые дядья Марии сами вступили в колхоз со своим скотом: им за это дом оставили. У Щоголя тоже забрали лошадей, корову, овец и лишнюю птицу. У Марии деньги кончились и отец с мачехой сдали троих детей в приют.

В приюте Мария быстро повзрослела, вступила в комсомол и познакомилась с парнишкой Егором Тулубеевым. У него был брат младше его, Алексей, не были похожи они друг на друга. Алексей -русый, сероглазый и нос с горбинкой, а Егор – жгучий брюнет, смуглый, узкие глаза, как черные бусинки блестят – оба по-своему красивы, только у старшего левой руки по плечо не было. Алексей Марии рассказывал, что потерял он ее в детстве.

А случилось это несчастье так: отец их киргиз Тулумбай женился на украинке Людмиле против воли родителей. Работать они любили и быстро разбогатели. Пять сыновей росли уже в семье, один за другим и шестая девочка Аня. Тулумбай сыновей брал всегда с собой работать. В тот ненастный для них день он с сыновьями ехали из города и на базаре продали уйму яиц, мяса и молока на хорошую сумму. Вдруг в степи догнали их гайдуки. Маленький шестилетний Алеша спрятался от испуга в пустые мешки и не дышал. Гайдуки стали требовать деньги, а Тулумбай запротестовал, тогда засвистели в воздухе стальные шашки и на возу остался в живых только Егор и Алеша, который плотнее прижался к телеге. Егор, плача, закричал на разбойников, что он убьет их, когда вырастит, тогда один из них, отъезжая, рубанул его наотмаш и отрубил не глядя ему руку и с гиканьем ускакали. Лошадь покорно привезла мертвецов и двух живых детей к дому. Навстречу вышла Людмила, увидела окровавленные трупы и упала замертво без крика: сердце разорвалось от горя. Егора отнесли к знахарке – от большой потери крови думали не спасут, не выживет, но Богу было угодно оставить его жить. Только остался калекой.

Двух мальчиков и девочку отдали в приют, где потом и Мария оказалась. Аню быстро удочерили. Алексей, когда вырос и стал работать, пытался искать сестру, но так и не нашел.

Мария, познакомившись с Алексеем, влюбилась в него и он в нее тоже. Поженились. Егор обиделся на Машу, ведь он ее тоже любил. Прошел год и Мария родила сына Виктора в 1927 году, а в 1928, в конце июля, родилась девочка Шура. Егор не хотел больше с ними знаться, женился на киргизке и родились у них сын Ким и дочь Марьям. Хоть и обижен был на Марию, но все равно дочь в ее честь назвал, только на мусульманский манер. Потом он, будучи по крови киргизом и похожий на Тулумбая, с семьей уехал в Киргизию, на родину предков.

В приюте еще спрашивали их, какая у них фамилия, но они знали только имя отца, поэтому их и записали как Тулубеевы.

Прошли годы. Алексей работал уже директором колбасного завода, а Мария – продавцом в магазине. Шура нравилось есть в прикуску колбасу с шоколадом. А шоколад в ту пору не был черным из какао, а светлый, соевый. Как возьмет палку колбасы в одну руку, а толстую плитку в другую, так и на обед не дозовешься ее – уже сытая.

Жили они в Ершове, на Лысой горе – так называли возвышенность из глины и люди строили там свои землянки и саманные дома. Растительность почти отсутствовала: кругом

сухая степь. В жилищах таких обычно спали прямо на полу, постелив вначале солому, а потом верблюжью кошму и одевались теплыми одеялами. Подушки делали сами из птичьего пуха и перьев, делали большими, что на одной сразу спали двое детей. В спальне же, как змей Горыныч, лежала киргизская длинная печь из красного кирпича, на ней же готовили еду. Утром кошму скручивали и ставили в угол, а солома оставалась. Через три дня солому убирали в сарай скотине, а новую приносили, кошму вытрясали на улице и проветривали, а полы мыли. На чистые полы вечером стелили свежую солому и заносили кошму. Случалось и так: в кошме заводились блохи от кошек и собак и тогда белую полынь клали под кошму – блохи мерли, а люди спали, как пьяные.

После свадьбы Мария с детьми и мужем жила у ее отца в саманном доме, ставшим намного шире и просторней. Ганна издевалась над падчерицей. Поможет, бывает, Мария полы, а Ганна выльет ведро воды и крикнет:

– Плохо промыла, перемой!

А уж Витю с Шурой вообще ненавидела, обзывала:

– Ух вы, бисова кровь, языньки б мои на вас не глядели!

Маленький Витя сердился :

– Жалко, что я маленький, а то бы схватил Ганьку за косы, намотал бы на руку и повозил бы по полу, чтоб не издевалась над нами! – Сплюнет и зло продолжит:

– Гадючка, вонючка, Ганка-поганка.

Дед его ругал, шугал, грозил кулаком, но внук и ему язык показывал.

Петер жену любил, не обращал внимания на ее ядовитый характер, косы мыть ей помогал и расчесывал, радовался, что на пятнадцать лет она его моложе. Гордился своей женой: ни у кого таких густых кос не было во всем Ершове. Она их много раз на голове накрутит и повяжет тонким платком, даже зимой без шали теплой ходила – ей волосы вместо шапки голову грели. Сидела дома и нигде не работала. Детей своих не имела, а Петру все равно было.

Когда на соседней улице освободился дом, та семья уехала в другую местность, тогда Петр с Ганой переехали туда, оставив молодых в покое.

В школу Шура не любила ходить: кинет портфель или спрячет его в навозе, а сама на горку с ребятами убежит кататься. Мама ее наказывала, ругала и била, но толку – ноль. Любила девочка еще к отцу на колбасный завод ходить, там ее любили рабочие, особенно киргизки, говорили:

– Ты так похожа на Богиню Земли.

Она удивлялась и спрашивала кто такая эта богиня, а они просто улыбались и гладили ее по голове.

Алексей работал директором и домой всегда приносил вкусные колбасы и шоколад, который ему давал директор кондитерской фабрики взамен колбасы, которую покупал подешевле, а не воровал. Брат с сестрой ели колбасу с шоколадом и запивали молоком.

Однажды случилось несчастье на заводе: русская рабочая пренебрегла мерами безопасности и попала в мясорубку, и ее прокрутило вместе с говядиной. Завод остановили, мясо закопали, которое предполагалось с мясом несчастной: специально вырыли яму, а остатки просто раскидали птицам. Высшее начальство предложило Алексею уволиться и уехать, чтобы никто не обвинял его. Он так и поступил. Семья переехала в Донбасс, куда раньше переехал отец Маши и где теперь Петр Щоголь с Ганой проживал, работая кладовщиком. Мария снова устроилась продавцом в магазине, а Алексей стал шахтером. Когда началась война, Алексей с семьей вернулись в свой дом на Лысой горе. Оттуда его забрали на фронт, где он в сорок втором в августе и погиб. Так пришло извещение, но Мария не верила, говорила, что чувствует его живым.

Лысая гора хоть и принадлежала Ершову, только жители ее считали особой, обособленной территорией, так как их разделяла река и два парома перевозили людей с одного берега на другой. Правда, один перевозил людей, а другой – животных на бойню, на колбасный завод. В этой реке водились раки и, когда паром перевозил животных, раки ползли тучей на запах, цепляясь за ноги и хвосты лошадей, коров и верблюдов, и сопровождающие скот палкой убивали раков и складывали в мешок: вкусная закуска была к пиву.

С ранней весны до поздней осени дети ловили раков. Витя и Шура не упускали момента и в свободное время тоже с гурьбой ребят бегали ловить. Старший по возрасту всегда около реки разжигал костер и поддерживал огонь, потому что в котле должна кипеть вода. Дети кипятком наливали в ведро и пойманных раков сразу бросали в горячую воду. Красных уже вынимали и складывали в отдельную кучу. Дети приносили с собой сырое говяжье мясо, нанизывали его на палку и опускали в реку. Налипало очень много раков. Потом дети сами варили их, но кушали только шейки, а остальное клали в мешок и уносили домой, а часто вообще бросали несъеденное в реку и наблюдали, как в чистой прозрачной воде раки набрасывались на своих вареных собратьев и, вырывая друг у друга, с жадностью пожирали. Брат с сестрой целиком брали в ведро десять раков и приносили матери, особенно в военное время, когда отца с ними уже не было. Он был на фронте. Во время войны, в сороковых годах, от голода ели даже собак, но Мария говорила детям своим и соседке:

– Лучше будем кушать сусликов, чем собак. Собаки как друзья – их трогать нельзя.

Дети от шести лет до пятнадцати, все без исключения, ходили по полям, по оврагам и ловили сусликов. С собой носили воду в ведрах, заливали нору и оттуда выбегали три или четыре зверька. Ловкие ловчие ребята стояли на стреме и за горло хватили суслика, когда тот выскакивал из норы. Палкой стучали зверька по голове, а некоторые об землю, и клали в мешок. У них мясо белое и диетическое, как куриное. Варили супы, жарили, особенно дети любили нанизывать сусликов на проволоку и подвешивать над костром. Кишки не потрошили, в них, они говорили, находилась лишь трава, потому можно есть прямо с кишками. Жаркое ели с аппетитом, и жир приятно стекал по рукам.

У Марии в соседях жила глухая Маруся, у которой было аж девять детей, старшие – ровесники Вити и Шуры. Муж ее от чахотки умер, оставив жену одну с голодными ртами. Глухая, чтоб спасти детей от голода, воровала на совхозной ферме овец – и как только она умудрялась это делать, не оставляя следов?

Однажды зимой Маруся со старшим сыном украла целую корову, зарезала ее и голову с ногами бросила в огород к председателю. Он был вредный: сам пользовался фермой как своей, а рабочим все запрещал и наказывал за малую провинность. Вот и решила его наказать, подкинув ему это. Сама наварила мяса, накормила детей досыта, а тушу завернула в коровью шкуру и зарыла в куче навоза. Дело провернула ночью, а наутро пришла в дом комиссия, в составе которой были: участковый милиционер, сам председатель, рабочком и еще несколько лиц, желающие уличить многодетную мать в воровстве. Обыскали все углы, залезали в подпол, в сарай, но говядины не нашли. Вот милиционер вышел во двор и увидел ребенка, писающего в снег. Подходит к нему, самому младшему в семье, чтобы выловить на лжи того, кто еще скрывать не научился – тому было только три годика, – и пальцем тычет ему в пупок, спрашивая с усмешкой:

– Пупок-пупок, наелся крупок?

А сытый и гордый этим малыш в ответ:

– Нет, я мясо ел!

– А где оно сейчас? – спрашивает милиционер, уже довольный, что поймал с поличным, и переглянулся с председателем.

Мальчонка огляделся, и улыбка расплылась по невинному лицу:

– Вон там, у суцки под хвостом, – у показал рукой на собаку, которая, тоже сытая, сидела на навозе, чувствуя запах парного мяса.

Милиционер покраснел, что его осмеял трехлетний ребенок и резко развернулся к выходу, остальные хмыкнули ехидно и покинули дом. Больше глухую Маруську не тревожили, а она, покончив с коровой, продолжала воровать овец.

Когда на другой день, после непрошенной делегации, к Марии пришла глухая соседка, принесла говядину поделиться и рассказала, как было дело, Мария выслушала, но мясо не взяла: тебе своих кормить еще всю зиму. Просила ее никому ничего больше не рассказывать: люди разные и не все пойму, как она, не то останутся дети без матери, потому что в такое трудное для страны время и за мелкое воровство можно загреметь в тюрьму.

В сорок первом Марию Тулубееву, как партийного работника, взяли рыть окопы. И в холод, и в голод приходилось работать. Она переживала за детей: как они одни без нее. Как—то ей знакомая сообщила, что дети ее ходят совсем заброшенные: грязные и вшивые. Мария сбежала к детям, чтобы помыть их и вернуться вновь на работу, но не тут-то было. Ее арестовали и стали судить. Пришли дети на суд все в лохмотьях, у них огромные вши, как хозяева бегали по всему лицу и телу. Взглянула судья на это и пожалела: Марию освободили. Она целый день отмывала детей и морила насекомых.

Мария на окопах сильно подорвала здоровье и тоже прихватила вшей. У нее была длинная и толстая коса, но пришлось расстаться с ней. Бывалой красоты словно никогда и не было. Вот она жизнь-то какая.

Рассказ Шуры:

Я была маленькой, четыре года мне только, и мама Мария нашла шесть кукол, все разного размера: три девушки и три парня. Говорила, что и куклы должны жить парами. Я играла с ними.

Вот однажды пришли к маме две подруги, красивые юбки на обеих – глаз не оторвать. Главным бухгалтером магазинов одна из них работала и, чтоб не помять юбку, не села на нее, а, расправив, свесила поверх стула. У второй еще красивее ткань была, но она все равно села на юбку. Я посмотрела на бухгалтершу и подумала:

– Надо сшить мне куклам платья из такого материала.

И, не долго думая, взяла ножницы и отрезала у нее сзади полусолнцем клин, что свисал. Мама им гадала на картах и они не заметили, а я села шить кукле платье. Когда гости собрались уходить, встали и бухгалтерша с удивлением спросила:

– Что-то мне в ноги дует? – и задом повернулась к Марии.

Мама огляделась и развела руками на ее слова:

– Почему дует? У нас ведь тепло, – но тут же увидела: у юбки большого клина нет, а только видна белая подкладка, которая называлась спозницей.

– Ой! – ахнула она и зарделась: – Пожалуйста, простите.

Она виновато смотрела на подругу, потом повернулась ко мне, а я, как ни в чем не бывало, спокойно и усердно шила, прикусив нижнюю губу.

– Шурочка, – подошла она ко мне, – как тебе не стыдно? Зачем ты у тети отрезала юбку?

Я же непонимающе теребила лоскут и, надувшись, опустила голову. Тетя на юбку даже садиться не хотела: значит она ей не нужна – было моим детским размышлением.

Бухгалтерша улыбнулась и спокойно проговорила:

– Не ругай ее, Мария, она же ребенок. Надо же, я, видя Шурочку за рукоделием, еще подумала: странно, материал, как у моей юбки, такой же точь в точь.

Я закрыла руками лицо, словно плачу, а сама еле сдерживала смех.

Женщина сняла юбку и мама отрезала остаток лоскута, на машинке прошила бок и получилась вновь юбка, только не такая широкая, как была. Обе подружки смеялись, только мама была рассержена. Женщина подала мне лоскут со словами:

– На, Шурочка, шей и остальным красивое платье.

– Мне хватит, не надо, – ответила я. – У меня уже есть.

Но она продолжала сுவать мне ткань:

– Бери-бери, изнасят эти, ты сошьешь им новые.

Я свернула лоскут и положила в сундук, который именно мне для моих вещей сделал папака. Я и брат папу называли – папакой. После работы пришел папа и увидел меня грустную.

– Что с тобой, моя красавица, Шурочка, моя рукодельница?

Мама рассказала ему о случившемся. Он рассмеялся и взял меня на руки.

– Ты не только умница и рукодельница, но еще можешь сама заработать: снимать незаметно юбки с женщин!

Я обиделась и заплакала.

– Не хочу так работать! Я петь хочу и плясать!

– В чем же дело, давай пой и пляши.

Он опустил меня на пол и, взяв гармонь, заиграл.

Я про все плохое забыла и заплясала, припевая частушки. Они были детские, школьные, безобидные – сейчас, когда мне уж 82, не помню их ни одной.

Я постоянно отца просила:

– Папака, научи меня тоже играть на гармонии.

Он мне отвечал:

– Не женское это дело, играть на гармонии. Ты – девочка красивая и тебе не подойдет мужское занятие. Лучше пой и пляши, у тебя здорово получается!

Я отходила обиженно и втайне лазила к гармонии тянуть меха. Папа был странный: маму ругал за то, что она гадает на картах. По какой причине ругал, не знаю.

Карты моей маме достались чудом: приснился какой-то старый дед и дал ей карты, положив на стол под образами, со словами:

– Возьми карты и гадай людям, только вознаграждение не бери, как только возьмешь – карты пропадут.

Мария проснулась и увидела на столе карты, но не те, что купила в магазине и от скуки подругам гадала на любовь. Крашенный в розовый цвет стол стоял под образами в углу, его папа сам сделал и, она когда гадала, выдвигала стол на середину комнаты. Кушали на кухне, а за этим столом мы с братом делали уроки.

Итак, мама увидела карты из сна и испугалась, подумав, что сходит с ума. Разбудила меня.

– Шурочка, посмотри, пожалуйста, на столе карты есть?

Я, спросонья шатаясь, подошла к столу и, тараща заспанные глаза, увидела новые карты, лежавшие в ряд тесной россыпью.

– Да, здесь лежат красивые карты, тебе их принести?

– Принеси.

Я сгребла их в кучу и подала маме. Она приняла их, прижав к груди со словами:

– Ой, оказывается сон в руку.

Я не поняла ее и проговорила обиженно:

– Как не в руку, я тебе прямо в руки дала!

– Не обижайся, дочка, я увидела сон: пришел странный дед и сказал мне, положив карты на этот стол:

– Возьми эти карты и гадай, а те выброси, только плату не бери, а то пропадут.

С той поры к маме стали приходиться люди по разным вопросам. Сон этот она видела как раз перед войной, а когда в сорок первом году папаку забрали на фронт, мама гадала и на него, знала, что жив. В сорок втором папы не стало. Когда пришла похоронка, мама не удивилась: уже раньше узнала, что он погиб. И последней памятью о нем была фотография с его подписью: он спас пятилетнюю девочку и с ней сфоткался. Хотел привезти ее с собой домой и удочерить. Не вышло. Я не знаю, что с ней случилось, может, отправили в приют.

Из отдаленных деревень к маме приезжали люди. Все просили узнать о будущем, помочь им принять правильное решение. И мама всем гадала, никому не отказывала. Кто-то просто оставлял гостинцы нам, детям, кто-то благодарил на словах. Наверно, папаке не нравились толпы в горнице, потому и запрещал жене гадать. Но она все равно продолжала, потому что карты были волшебные.

Папа и мама были коммунистами, поэтому мы с братом были некрещеные. Но все равно у нас в углу возвышалась божница с иконами, но мама никогда не молилась и не вспоминала Бога. Отец тоже. Я думала, что это нам просто красивые картинки достались от прадедов. Я даже не спрашивала, а теперь думаю:

– Какому Богу поклонялась ее бабушка, Наталья Пугачева, кто ей дал знания, чтоб лечить людей и животных? И почему бабушка не научила своим премудростям внучку, ведь та просила. Неужели и правда, это непосильный труд, служить Богу и на благо людям?

Мама в свободное время гадала женщинам и они впоследствии приходили благодарить ее за хорошие известия, которые сбывались. Приносили деньги или продукты, но мама не брала, хотя было нам голодно в военное время, да и понимала, что всем трудно.

Однажды в ясный майский день приехали на корове, запряженной в телегу, две женщины. Мама им погадала, успокоив, что мужа живы и они, откланявшись, уехали. Вдруг стук в дверь, мама крикнула:

– Заходите.

И зашел худощавый старик, невысокого роста, черные волосы и борода с проседью, без головного убора. Он поздоровался и попросил погадать:

– Милая женщина, разложи карты, скажи, как там мои сыновья, живы ли?

– У меня нет карт, – ответила мама, оглядев с подозрением пришельца.

– Вон ведь, они лежат на столе, – указал старик, нахмутив густые черные брови и продолжил: – только ты без карт можешь все видеть и знать, тебе не нужны карты.

Мама взяла карты и проговорила сухо:

– Только я за гадание ничего не беру.

Старик молчал. Мама разложила карты и, посмотрев на них, заявила:

– У Вас нет никаких сыновей, имеются только две дочери и жена. Вы обманули.

– Тогда расскажи о них, – не унимался дед.

– У них все хорошо и отца любят, – не поднимая головы проговорила она, складывая карты.

Старик стоял с правой стороны, в левой руке она держала колоду карт и не успела среагировать, когда он быстрым движением сунул ей в правую руку деньги. Она выронила их, но я, подумав, что мама уронила нечаянно, подняла их и подала маме.

Мама положила карты на середину стола и, взяв деньги, сказала с упреком:

– Зачем ты подняла их?

Она оглянулась, но старик, сунув деньги, быстрыми шагами удалился прочь, даже не поблагодарив, поэтому мама его не увидела и грустно опустила голову. Она растерянно смотрела на дверь и тихо, не глядя на меня, проговорила:

– Во сне приходил этот же старик. Он тогда дал мне карты, – она посмотрела на стол, а карт там уже не было. – Он их дал и забрал обратно.

Она глубоко печально вздохнула и опустилась на стул.

Деньги эти мама отдала соседке, глухой Марии – та была очень рада.

Мама купила новые карты, но видеть и предсказывать, как на тех, уже не могла. Приходило много людей, но мама им спрашивала, объясняя, что карты волшебные у нее украли. Больше ее никто не посещал. Дед Петр обрадовано заявил:

– Слава Богу, что старик украл карты, а то ты совсем с гаданием вся измоталась.

Этой весной, в конце мая, наша корова отелилась и принесла двоих телят. Утки вывели много утят, а шесть овец принесли по два ягненка. Мама была удивлена и рада этому чуду:

– Хорошо еще, что дед вместо карт оставил нам большой хозяйственный приплод.

Когда уже и мой брат Витя ушел на фронт – ему стукнуло семнадцать, тогда только мама решила со мной уехать в Татарию, подальше от военных действий. Бои уже гремели где-то в округе и многие, собрав основные пожитки, спасались бегством. Подруга ее уговорила, сказав, что там много картошки и других овощей, и поливать даже не нужно, само растет, только посади – насколько плодородный чернозем там, и фашисты не придут туда: далеко и наша армия не допустит.

Мне не хотелось покидать родные места, но с мамой не поспоришь, что она сказала, то и выполняй, да еще оставаться здесь становилось опасным. Продала она по-быстрому всю скотину и птиц, получила девяносто тысяч рублей, но даже не успела подержать их в руках: деньги поменялись, произошла денежная реформа и на руках оказалось лишь девяносто несчастных рублей, вместо тысяч.

Я с упреком сказала маме:

– Ты зачем соседке стариковы деньги отдала, поэтому он нас и наказал, отобрав эти деньги.

Она не ответила.

Когда она перестала гадать, то в видениях продолжала видеть многое, чего не могли видеть и знать другие. И я удивлялась, почему она не смогла предугадать реформу и такую потерю.

Был один случай, который мама рассказала мне как-то, и почему он мне вдруг вспомнился?

Работала Мария Петровна, мама моя, продавцом в магазине. Товар разный: шарфы, платки, платья, носки, чулки и еще рядом кондитерские изделия. День близился к вечеру. Скоро рабочий день кончится. Усталая, она мечтала побыстрее вернуться домой и накормить

детей жареной курочкой, но вдруг ее мечты оборвали две посетительницы. Женщины, незнакомые ей, странно повели себя: зайдя в магазин, стали примерять капроновые шарфы и незаметно мигать друг другу, одна из них заговорила, отвлекая продавца. Мария внимательно посмотрела на женщин и почувствовала, что из ее глаз засверкали молнии, пронизывая посетительниц. Эти молнии она увидела, но видели ли их те женщины? Мария не знала, только вдруг они бросили шарфы на прилавок и убежали. Выяснилось позднее, что случилось. На третий день директор собрал всех продавцов на собрание и начал ругать работников:

– Почему у Надежды Ивановны украли туфли, а у Нины Васильевны – ложки, и почему у Марии Петровны никто ничего не ворует?

Одна продавщица встала и заявила:

– Два дня назад, в конце рабочего дня, прибегают две женщины ко мне, бледные и дрожат – одну я знаю, и говорят, заикаясь:

– Вон в том магазине колдунья работает, она посмотрела на нас и нас как иголками прошило, да так больно, что сейчас чувствуется: все теко ломит и колет, словно раненое.

Я им отвечаю:

– Не может такого быть, она очень хорошая женщина, всеми уважаемая.

Директор посмотрел на Марию в упор и спросил:

– Это правда, Мария Петровна?

Она тоже смотрела ему в глаза не мигая, а сама думала:

– Ну, если он обо мне плохо думает, то тоже молнии на него должны пойти, но ничего подобного не случилось.

И спросила его:

– Вот я на Вас смотрю, что чувствуете?

– Ничего плохого, взгляд, как и у всех здесь сидящих.

Все засмеялись. Она удивилась, что тогда и вправду молнии метала, но своими открытиями ни с кем не поделилась.

Вот бы сейчас она метнула молнии на всех немцев и захватчики бы убежали себе в Германию, а нам бы не пришлось бросать родные места. Но этого не произошло. И я пустилась в грустные, прощальные воспоминания о хорошо проведенных годах.

Весной, девятого апреля, дети, особенно в деревнях, играючи проводили такой ритуал: мамы или бабушки пекли из пресного теста жаворонков, а мы бросали их на крышу сарая, затем залезали туда и собирали «птичек», подбрасывая вверх и ловя со словами:

– Жавороночки, летите, нам весну принесите. Нам зима надоела: хлеб, соль поела, мякину, солому, дрова – все сожрала.

Отовсюду слышались голоса ребят. Весело было до войны. Жаворонки наши, как камни были жесткие, потому что слеплены из воды и муки. Мама раскатывала круглую лепешку и оттягивала хвост и голову с клювом, а крылья уже потом в процессе делались. Дети, после игры в летающих птиц, съедали их с молоком, а кто и со сладким чаем. Только вот во время войны сладкого уже не кушали, хоть и очень хотелось, а жаворонков все равно лепили. Мальчишки повзрослее шли в луга за овраги, где росла солодка – это такое влаголюбивое растение, у которого сладкий корень, за ним—то и ходили девчонки с братьями. Корень порой достигал в длину до пяти метров и толщиной попадался размером с руку семилетнего ребенка. Вот он и шел вместо сахара. Брат мой лопатой ловко орудовал и быстро наполнял корзину.

Все в городе пили с корнями чай, но если кто-то лишнего корня наесть, то болели: становились желтыми и отекали. Копали корни осенью. В холодный подпал положишь и надолго хватало. В июле же ходили за чилигой, что росла кустами. Зеленая, она сладкая, мягкая и сочная, многие дети жевали ее и, отсосав сок, выплевывали. По осени ее срубали и зимой кормили ею скотину. Мы с братом серпом жали ее и приносили овечкам и корове.

Чилигу заготавливали на зиму животным не только мы. Толстую и большую рубили, как хвост и топили этим печь – запах исходил сладкими духами, не то, что терпким навозом, когда топишь кизяком или соломой.

А в конце мая и начале июня все мы ходили в степи за тюльпанами и фиалками. Тюльпаны красовались желтыми, красными, розовыми бутонами, а синие фиалки свешивали свои головки, словно кланялись нам. Кто-то продавал букеты, кто-то просто дома украшал.

Помню случай: мама сшила мне из белого ситца платье – я в нем чувствовала себя принцессой: оно похоже было, шикарное и пышное, на платье Золушки на балу. Играла я с подружками на улице в скакалки, догонялки и тут подходят к нам старшие наши братья и говорят:

– Идемте с нами за цветами.

Мы с ними и пошагали, не взяв даже корзины. Тюльпаны я держала в руке, а вот для фиалок рук не хватило. Я подняла широкий подол платья и брат нарвал туда фиалок. Широкий подол все равно закрывал ноги и мне не было стыдно – вот какое оно у меня было!

Приходим домой и я ору с порога:

– Mamочка, мы принесли цветы!

Когда я из подола маме высыпала цветы, она ахнула – белое платье сделалось синим в том месте, где находились фиалки. Она меня не ругала, взяла и отрезала крашенное место – платье стало уже.

– Вот теперь ты в нем, как крестьянка, а не принцесса, – сказала она грустно и мне захотелось плакать от ее слов.

Впоследствии я брала с собой корзину, но красивого платья уже не было.

Во время войны чернила стоили дорого и мама сама варила их из лепестков фиалок. Одноклассники спрашивали:

– Где такие чернила достали?

Я им с гордостью отвечала, что мама сама сварила из фиалок, но мне никто не верил.

Как—то брат свою рубаху испачкал фиалками и мама ему тогда всю ее покрасила. На маму глядя, соседи тоже стали красить своим детям одежду: на синем незаметно грязи и можно было реже стирать.

Галины воспоминания

Вспомнился случай, который заставил нас пролить слезы, тогда и впоследствии, когда вспоминая, горько даже вздыхать, потому что такая лошадь заменяла человеческого друга, которого ни у меня, ни у мамы не было. Муж бил ее и не ценил – я даже отцом его называть боялась. Когда Андрей умер, мне казалось, мама вздохнула полной грудью, наслаждаясь свободой, хотя и трудно жить, взвалив на женские плечи тяготы вдовы: четверо малых детей и еще сварливая свекровь. Приходилось работать днем и ночью, дабы обеспечить детишек счастливым детством, ну или хотя бы прокормить и одеть их. Мы, дети, ни в чем не нуждались, всего было вдоволь, даже наши друзья и подруги кушали у нас сладости вволю, находясь у нас в гостях, но зато нашей мамочке приходилось очень трудно. А мы этого не замечали. И как раз в тот период на ферме ей выдали коня. С его помощью она смогла и на ферму навозить мешки с зерном и овощами, и себя обеспечить на зиму дровами и пшеницей.

И вот ехала она как-то летом на телеге, груженной мешками с зерном, на скотный двор, а дорога дальняя. Макар – так звали коня – шагал спокойным шагом, мама пела украинские песни и, закончив петь, умолкла. Вокруг было тихо, усталась за день сдавила тело, голова ее склонилась вниз и сон сомкнул очи. Дорога, на беду, оказалась ухабистой и конь рванул тяжелую телегу. От рывка мама полетела вперед, под ноги коню и телега уже задела ей спину. Макар резко остановился. Шуру бил нервная дрожь, она горько заплакала от страха и усталости. Конь поднял хвост, она решила, что сейчас последует смертельный удар задней ногой и перед глазами всплыли наивные детские лица ее детей: как они сиротами без матери жить будут? Но удара не последовало. Макар оглянулся и ждал, когда хозяйка встанет, поднимаясь и ухватившись за его ногу. Женщина встала с земли и вылезла из-под брюха коня, подошла к его лицу, поцеловала, обнимая и продолжая плакать. Он же тихо издавал ржание понимающего животного, похожее на успокоительные слова друга. Шура с нежной благодарностью погладила коня, села на воз и дернула вожжами. Макар снова поехал, как ни в чем не бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.